

О ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ*

© 2000 г. Е. В. Рахилина

В статье анализируются некоторые тенденции развития когнитивного направления в (преимущественно американской) лингвистике. Сделана попытка “перевести” основные концепты и задачи этого направления на язык Московской семантической школы – более привычный для отечественного читателя.

The paper discusses some recent trends in (American) cognitive linguistics. The attempt is made to “translate” the basic concepts and objectives of this theory into the metalanguage of Moscow semantic school, which Russian readership is more familiar with.

В рамках когнитивной семантики – одном из важнейших теоретических направлений современной лингвистики (см. [1]) – предложено несколько теоретических конструктов; оценить их гибкость и долговечность сегодня еще пока, видимо, трудно, и мы остановимся подробнее на их описательных возможностях. Нашей задачей будет в данном случае их обсуждение, и с этой целью в ряде случаев полезен “перевод” этих понятий, т.е. поиск для каждого из обсуждаемых ниже инструментов описания более привычных для нас аналогов – прежде всего, в теории Московской семантической школы (МСШ).

Одновременно такой “перевод” может служить основой для более широкого сопоставления этих двух подходов к семантическому описанию – подходах, скорее противопоставленных в статьях [1] и [2].

1. ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА

Концепт (*concept*) занимает центральное место в когнитивной теории, и в этом ее отличие, например, от школы формальной, логической семантики. Концепты приписываются самым разным языковым единицам – в первую очередь, обозначениям естественных классов (типа *bird*), ситуаций (типа *run*), но и индивидов (типа *George Lakoff*).

Главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – и это определяет то, что всякий концепт погружен в *домены* (*domains*), которые образуют структуру, ближе всего соотносящуюся с филлморовским понятием *фрейма* (см. [3],

ср. также *qualia structure* в [4]). Домены образуют тот (мы бы сказали – семантический) фон, из которого выделяется концепт: концепт ‘дуга’ понимается “с опорой” на представление о круге, ‘гипотенуза’ “опирается” на понятие о треугольнике и т.д. В терминах Р. Лангакера соотношение между концептом и доменом описывается зрительной парой *профиль–база* [5]: в знаменитых семантических картинках (*image schemas* – образных, или топологических, схемах, ср. ниже) профиль рисуется жирным шрифтом, на фоне немаркированной базы, ср.: *arc (circle)*:

Рис. 1.

В таком простом случае, как этот, домен у концепта один, но обычно в число доменов входит и время, и пространство и др. (их множество называют еще *domain matrix* – матрицей доменов).

Так оказалось, что идеология когнитивной семантики очень тесно связана с визуальными, образными представлениями – обычно концепты, как и другие теоретические конструкты в рамках этой теории, рисуют.

Тем самым, одновременно иллюстрируется близость визуального и языкового восприятия: действительно, если то, что мы думаем, когда говорим, можно “увидеть” глазами, разные когнитивные системы скорее всего связаны. Заметим: для того, чтобы объяснить для непосвященных, что именно нарисовано на (обычно довольно громоздкой) схеме, автору приходится затрачивать не одну страницу – и это тоже согласуется с когнитивными представлениями о том, что язык как таковой не предназначен для выражения пространственных отношений – по этой же причине нам всегда так трудно объяснять дорогу и проще нарисовать план.

*Настоящая работа поддержана грантом INTAS-96-0085.
Автор благодарит Е.С. Кубрякову, по инициативе и при поддержке которой данный обзор был выполнен, а также А.А. Кибрика, Г.И. Кустову, О.Н. Лишевскую и В.А. Плунгяна за советы и критические замечания.

В качестве примера невизуального описания концепта обычно приводят всем известные списки свойств, характеризующих слова *mother* или *bachelor* по Дж. Лакову¹ (ср. [6, с. 2]). Отсюда ясно, что каждый домен содержит набор признаков (dimensions), каждый из которых, впрочем, сам может интерпретироваться как отдельный домен, ср. 'тон', 'яркость', 'насыщенность' для концепта цвета. Как кажется, эти признаки тем хуже организованы, чем менее исходное слово предиктивно (и это естественно), но зато концептуальное описание глаголов привычно опирается на их ролевую структуру. Иногда над признаками, над ролевой структурой обнаруживается некоторая "надстройка" – Лаков [7] называет ее "идеализированной когнитивной моделью" (*idealized cognitive model* – ИКМ). Это все наши представления об объекте сразу, в целом, некий "нерасчененный образ", который и порождает признаки ролевую структуру и т.д.

В этой связи интересна полемика Дж. Тейлора с Р. Джекендоффом по поводу способа представления концептов *running* и *jogging* [8]. Джон Тейлор – известный представитель когнитивного направления (ср. [9; 10] и др.); что касается Джекендоффа, то его теория близка к когнитивному направлению, но не является его частью². Собственно, данная полемика началась по поводу слов *goose* и *duck*. Джекендофф предлагал описывать их признаками [-thing], [+animate], [-human], [+bird] – тем самым, различие между ними не отражается в его концептуальной структуре, но он не видит способа, который мог бы исправить это положение. В частности, идея добавить признак [+/- long neck] кажется ему "patently ridiculous", потому что такие признаки, с его точки зрения, должны быть семантически элементарны [11, с. 33]. Более того, тождество концептуальных структур здесь совершенно оправдано, поскольку синтаксически поведение этих лексем в целом идентично, а концептуальная структура именно синтаксическое поведение и предсказывает. Однако в дополнение к концептуальной структуре Джекендофф апеллирует к трехмерному представлению, предло-

¹ Транслитерация этой фамилии в русских переводах сильно различается; самым распространенным вариантом является самый непоследательный *Лакофф*, в котором гласный "русифицирован", а согласный – нет. Между тем, преобладающая тенденция реального произнесения фамилии этого крупнейшего американского лингвиста (имеющего, кстати, российские корни) в России – полностью русифицированное *Лаков*. Этого написания мы и придерживаемся (ср. "неосвоенную" фамилию *Джекендофф*, сохраняющую глухой конечный согласный основы при склонении). Аналогично, при транслитерации другой "трудной" фамилии *Ланзакер* мы ориентируемся на наиболее распространенный вариант ее реального произношения русскими лингвистами.

² Номер "Cognitive linguistics", где опубликована данная статья Тейлора, как раз и посвящен обсуждению отношений между этими теориями в связи с юбилеем Джекендоффа.

женному Д. Марром (3D-model), которое позволяет схематично представить форму объекта (как видим, модель Джекендоффа тоже опирается на визуальный ряд).

Интересно, что Дж. Тейлор не возражает по поводу *duck* и *goose* (как если бы различия между концептами утки и гуся в самом деле сводились к длине шеи этих птиц! – ср. здесь [12], где определены принципы описания семантики имен естественных классов); между тем концептуальная структура Р. Джекендоффа его не устраивает, причем именно ее ориентацией на синтаксис, поэтому ему приходится перевести свою аргументацию в иную плоскость. Действительно, если данные языковые образы можно хотя бы "нарисовать", чтобы эксплицировать их различия, – то как быть с противопоставлением между *running* и *jogging*? Между тем, согласно модели Джекендоффа, эти лексемы тоже получают одну и ту же концептуальную структуру – это Тейлор и опровергает.

Для начала он очерчивает ИКМ для *jogging*. *Jogging* ассоциируется со здоровым образом жизни, физической формой и под. преуспевающих людей среднего класса развитых стран. Отсюда следует, что его концепт не совместим с соревнованиями, целевыми ситуациями ("если прототипическому джоггеру нужно куда-то попасть, он садится в БМВ" [12, с. 26]), а также с малолетними детьми, стариками, животными и другими концептами, допустимыми для *run*. И только вследствие этого возникают синтаксические ограничения, которые "просмотрел" Джекендофф, потому что начинал с синтаксиса, а не семантики. Например, не говорят **jog to catch the bus* (говорят: *run*), **jog* (но: *run*) after someone и т.д., и т.п. Таким образом, фактически Дж. Тейлор в данном случае говорит об очень хорошо известной в нашей традиции, например в МСШ, мотивированности синтаксиса языковой единицы ее семантикой.

Попробуем теперь "перевести" концепты и домены на язык МСШ.

2. ТОЛКОВАНИЕ И КОНЦЕПТ. ПРОБЛЕМА ПРЕЗУМПЦИИ

Понятно, что по своей идее, назначению толкование прямо соотносится с концептом – именно поэтому понятие концепта в нашей парадигме воспринимается совершенно естественно (ср. также и русский лингвистический термин *концепт*, принятый, например, в школе Логического анализа языка Н.Д. Арутюновой). Существенно, что толкование, в отличие от концепта, домена или ИКМ, имеет совершенно определенную, отработанную структуру, и прежде всего в нем принято выделять презумптивную и ассертивную часть.

История этого противопоставления восходит к началу 60-х гг., когда эти логические термины, введенные Г. Фреге, были применены (одним из первых Ч. Филлмором³) к собственно лингвистическому описанию. Строго говоря, понятие презумпции, или пресуппозиции, понимаемое как не-отрицаемая часть смысла, применимо только к предикатной лексике, на которую отрицание действует наиболее естественным, предсказуемым образом, ср. 'искать' как пресуппозицию 'найти': 'не нашел' не значит 'не искал'. Когда же со временем толковать стали не только предикатные единицы, презумптивной фоновой часть толкования таких слов, как *мужчина* ('человек') называлась, скорее, по привычке. Затем, в статье [14], посвященной описанию предлога *у*, было использовано понятие *коммуникативный фокус*. Это (или подобное ему) понятие, как кажется, со временем могло бы вытеснить исходную логическую терминологию – ср. также терминологические предложения Е.В. Падучевой ([15; 16]; см. подробнее раздел 5). Действительно, отрицание – всего лишь один из видов операторов, под действие которых не попадает так называемая презумптивная часть значения. Например, *быстро* или *с трудом нашел* не может интерпретироваться как 'быстро/с трудом искал', и т.п. Любой оператор действует именно на "фокусную", оставляя в стороне "фоновую" часть семантики, – по причинам, связанным с коммуникативной организацией смысла, а отрицание может служить лишь удобным способом разграничения этих семантических зон, и то далеко не во всех случаях. Ср. следующий фрагмент из упомянутой статьи Ю.Д. Апресяна: "Таким образом, свойство непропоницаемости пресуппозиций, послужившее основанием для их классического определения, оказывается аспектом более общего свойства инертности пресуппозиций. Они недостижимы (не попадают в область действия) не только для отрицания, но и для некоторых других семантически активных смыслов" [1, с. 14].

Любопытной иллюстрацией "инертности" фоновой части толкования, между прочим, служит то обстоятельство, что все семантические переменные, которые попадают в эту фоновую, презумптивную часть, тоже оказываются "в тени", они как бы уже известны, т.е. связаны предшествующим контекстом, и не могут быть выражены. Это очевидно для глаголов типа *найти*, у которых "конкурируют" переменные фона и фокуса. Так, у *найти* фоном является 'искать', имеющее локативную переменную (*искал в X*), но *найти* в *X* не может пониматься как 'искал в *X*', а только как 'обнаружил в *X*' (ассерция, или фокус толкования 'найти'), см. [17]. Однако то же самое происходит и со знаменитым глаголом *промахнуться* (см. [18; 19]), загадка которого, как известно, состоит в том, что необходимая для его толкования переменная цели не может быть выражена поверхностью, ср. **промахнулся в оленя*. Тем самым, интригующая разница между *не попал* и *промахнулся* состоит в том, что *промахнулся* обязательно означает 'не попал туда, куда стрелял' (фото

новая, или презумптивная часть связывает переменную цели, которая затем, уже будучи связанной, обнаруживается в асертивной части). В *не попал* этого тождества изначально не предусмотрено – ввиду семантики *попал* (ср. *попал пальцем в небо* – конечно, имел в виду попасть во что-то другое); совпадение же объектов (не попал скорее всего тоже туда, куда хотел попасть) оказывается чисто ситуативным – и в этом проявляется разница между встроенным в лексему и внешним отрицанием.

Таким образом, если продолжить сопоставление, презумпции или коммуникативному фону, по МСШ, в когнитивной теории соответствует база, а концепт (профиль) – это то, что в МСШ называется коммуникативным фокусом, или ассерцией. Здесь хотелось бы обратить внимание на следующее.

В рамках когнитивных работ, которые стремятся максимально отличаться от каких-либо предшествующих традиций, кроме во многом забытых идей начала века (Бреаль, Вундт и др.), термин "презумпция" в связи с "домен" или "база" никогда не упоминается, хотя аналогии здесь очень прозрачны. Возможно, это объясняется тем, что когнитивисты начинали с описания как раз нестандартных для формальной семантики концептов типа 'гипотенуза', 'мать' или пространственных предлогов, для которых сразу понадобился новый термин, и то, что аналогичный эффект в предикатной лексике был уже известен под другим именем, оказалось не важно. В то же время МСШ постепенно вырастала из математически ориентированного аппарата, и здесь терминологическая традиция, пусть и не всегда удобная, жива до сих пор⁴.

3. IMAGE SCHEMA

Теперь рассмотрим самое, на наш взгляд, сложное понятие в когнитивной семантике – *image schema*; оно было введено М. Джонсоном в 1987 г. [21]. Образная (или топологическая) схема – это типовая модель (pattern), применимая к описанию сразу многих языковых единиц. Примеры схем: 'контейнер', подробно обсуждавшийся в статье Е.С. Кубряковой [1], 'путь', 'поверхность', 'препятствие', 'контакт', 'шкала' и др. (более полный список см. в [22]). Однако не всякий концепт может быть "собран" из таких первичных семантических схем, потому что каждая из них апеллирует к простейшим формам или движениям человеческого тела, которые носителю языка привычны и понятны и которые он может поэтому легко переносить и на окружающую действительность. Происходит, таким образом, антропоцентристическая "привязка" основных "кирпичи-

⁴ В рамках такой традиции можно, например, поставить вопрос о том, есть ли в структуре концепта что-то, не входящее ни в презумпцию, ни в ассерцию (т.е. не являющееся базой, ни профилем). Открытие здесь сделано И.М. Богуславским, ср. [20; 30].

³ Более подробно об истории и теории пресуппозиций см. [13, с. 233 и сл.].

ков”, фрагментов семантического представления (или, в традициях МСШ, семантических элементов). Она базируется на идее (Дж. Лакова), которая называется *embodiment* (воплощение в человеческом теле) и возвращает лингвистику во времена локалистских теорий: первичным признается не просто связанное с человеком, а лишь связанное с его пространственными ощущениями и моторными реакциями⁵. Есть и набор абстрактных понятий, которые могут быть сведены к *image schemas*: ‘количество’, ‘время’, ‘пространство’, ‘каузация’, ‘тождество’ и т.п.; эти понятия, в свою очередь, могут лежать в основе других, более абстрактных или, наоборот, предметных, но во всех случаях, благодаря тому, что в основе самой первой, исходной их схематизации, лежит переход от конкретного к абстрактному, и более того, от пространства ко всему остальному, пространственно-моторные значения всегда первичны. Именно эта прямая связь с простейшими пространственными “примитивами” побуждает переводить термин *image schema* не как *образная схема* (ср. [23]), а как *топологическая* схема [24]. Этот перевод, во-первых, подчеркивает, что различные схемы лежат в основе всех когнитивных “картинок”, а во-вторых, акцентирует локалистскую идею.

Вернемся к сопоставлению с МСШ. Обратим внимание, что на некотором уровне абстракции (правда, в данном случае довольно высоком) когнитивное представление и представление МСШ опять-таки сходятся – а именно, в попытке свести семантику к конфигурации простейших элементов. Ср.: “семантический примитив – неопределенные значения, ...образующие словарь того метаязыка, на котором ...толкуются все языковые значения” [25] и: “the concrete bodily experiences are basic or primitive...” [конкретные телесные ощущения являются базовыми или элементарными], тогда как другие, более сложные сущности представляют собой “a result of the process of recognizing the recurrent patterns across bodily experiences that Johnson argues forms the basis of image schemas” [результат процесса осознания повторяющихся моделей через телесные ощущения, которые, согласно Джонсону, составляют основу топологических схем] [6, с. 23].

Принципиальным отличием здесь является то, что элементы, из которых строится СемП в МСШ, – это те, которые получены из длительного опыта практики толкований, максимально избегающей порочных кругов. Конечно, такие топологические схемы, как ‘контейнер’ или ‘шкала’ легко могут попасть в список примитивов, но

⁵Например, осязание, которое, как на первый взгляд кажется, нарушает это правило (см. [22, с. 347]), конечно, на самом деле, тоже сводится, во-первых, к контакту, а во-вторых, к восприятию, т.е. движению некоторого импульса к человеку.

кроме того, в том же списке, с одной стороны, обнаружатся и абстрактные значения типа ‘хотеть’ или ‘знать’, а с другой, – непервичные с когнитивной точки зрения, – типа ‘пространство’ или ‘время’, ср. [25, с. XXX]⁶.

Теоретическое расхождение здесь очевидно, его интересно обсудить. В самом деле, а верно ли, что для человека абстрактное действительно всегда вторично по отношению к конкретному, пространственно-моторному? Аргументы “за” – понятны: исторически пространственные значения, например, предлогов, оказываются более устойчивыми (абстрактные значения развиваются из пространственных) – хотя, может быть, такой путь развития просто легче проследить? Кроме того, *embodiment* хорошо согласуется с антропоцентрической моделью мира, но не упрощает ли ее?⁷

Есть и аргументы против. Вот аргумент, так сказать, фактический: с точки зрения пространственно-моторной теории противопоставление между *стоять* и *лежать* должно в первую очередь укладываться в противопоставление простейших топологических схем, описывающих, соответственно, вертикальное и горизонтальное положение человека. Между тем, как показано в нашей работе [29], по крайней мере в русском языке эти глаголы противопоставлены по значению вполне абстрактному: если данный объект воспринимается как сейчас, в данный момент, выполняющий свою функцию, к нему скорее применим глагол *стоять*, а если он выключен из процесса функционирования, то это состояние маркируется с помощью *лежать*. Поэтому про лодку и даже плот, приготовленный к отплытию, скажут именно *стоит* (несмотря на то, что это невертикальный объект), а про ту же лодку, вытащенную на берег, – только *лежит*.

Другой аргумент против – технический. За рамки топологических схем, как указывают Клознер и Крофт [6, с. 21], неизбежно выходят многие сложные абстрактные или, наоборот, слишком предметные домены, ср. ‘бейсбол’, ‘средневековая музыка’, и, с другой стороны, ‘яблоко’. Формально эту проблему можно решить (предположить, что концепт может состоять не только из одних схем, противопоставить конкретные концепты схематизируемым и т.д.,

⁶Любопытно, что в инвентаре семантических примитивов А. Вежбицкой нет никаких пространственных объектов (типа КОНТЕЙНЕР или ПРЕПЯТСТВИЕ), но только пространственные отношения, сами по себе довольно абстрактные (ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, БЛИЗКО, ДАЛЕКО, ВНУТРИ и нек. др.). В последних версиях “естественного семантического метаязыка” отсутствует даже элемент МЕСТО (PLACE), ср. [26, с. 143].

⁷Заметим, что среди лингвистов сегодня есть и убежденные “антилокалисты” – в их числе представители известной школы Кюльоли во Франции, см. подробнее [27]; ср. также аргументацию в пользу функционального описания имен типа *коробка* в [28].

см. [6, с. 21–22]), но, конечно, цельность семантической модели при этом сильно страдает.

Наконец, третий аргумент – общетеоретический. Лингвистика “пережила” локалистскую гипотезу начала века, фактически отказавшись от нее (см. [30]). За это время были осознаны другие важные доминанты в семантике, в том числе и с антропоцентрической точки зрения – например, функциональная составляющая для имен, см. прежде всего [12]. Яблоко, научила нас Анна Вежбицкая, едят, и едят определенным образом, держа в руке, и именно данное обстоятельство, а вовсе не топология, определяет языковое поведение этого слова – например, слововое, сочетающееся с прилагательными и под. Топология, наоборот, из него следует: большое яблоко – то, которое плохо помещается в руке (когда его едят). Привязка не к ситуациям пространственно-моторным, а к ситуациям типичного функционирования делает семантическое поле языка единым, потому что описания и предметной лексики, и лексики предикатной “замыкается” на одних и тех же ситуациях (фреймах).

Особого замечания в этой связи заслуживают прилагательные – их связь с ситуацией функционирования не так очевидна. Между тем довольно яркой ее иллюстрацией служат правила, регулирующие сочетания качественных прилагательных в атрибутивных конструкциях.

Начнем с простого примера. Можно сказать: *Он посмотрел на тяжелые сумки/тяжелое ведро/кирпичи* и мн. др. Но трудно в нормальной ситуации признать правильным предложение: **он посмотрел на его тяжелое ухо* или: *...на тяжелого волка. Для того, чтобы такие предложения осмыслить, нужен особый очень сильный pragmatical контекст, который на самом деле неестествен для этих имен. И это совершенно понятно: **тяжелый** говорят только про то, что **предназначено**, чтобы его несли и тогда, как бы само собой, измеряется вес этого объекта. То же самое про **крепкий – крепким** в основных употреблениях называется то, что не распадается на части, когда к нему применяют силу: **крепкий орех, крепкие крепостные стены** и т.д. Тарелка тоже может быть небьющейся, но не говорят ***крепкая тарелка** – потому что в отличие от ореха, ее никто специально не проверяет на крепость в нормальных условиях ее функционирования. То же верно и для других прилагательных. **Чистый** – применимо только к тому, что регулярно пачкается. **Скатерти, полотенца, рубашки** и т.д. могут быть **чистыми**, ср.: *Он пришел в чистой рубашке*, но нельзя сказать **Она пришла в чистой шубе* – хотя бы эта шуба и была действительно только что из чистки, – потому что в языковое представление о шубе и ее способе функционирования не заложена информация о том, что шубы,

как рубашки, нужно регулярно менять и чистить (подробнее см. [31]).

Таким образом, перенесение акцента с чисто пространственных на функциональные компоненты значения, как представляется, не противоречит антропоцентрической модели языка. Гипотеза “embodiment” остается лишь одним из возможных подходов к описанию языковых значений.

4. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Следующее теоретическое понятие когнитивного описания – *conceptualization* (концептуализация). Под процессом концептуализации понимается определенный способ обобщения человеческого опыта, который говорящий реализует в данном высказывании. Ситуация может быть одна и та же, а говорить о ней человек умеет по-разному, в зависимости от того, как он ее в данный момент представляет – и вот эти представления как раз и называются концептуализациями.

Для МСШ в этом понятии нет ничего неожиданного, потому что здесь широко используется термин “наивная картина мира”, которая тоже служит своеобразным посредником между действительностью и смыслом. Надо сказать, однако, что представление о необходимости такого посредника в МСШ возникло не сразу; своеобразной “точкой отсчета” здесь можно было бы считать доклад Ю.Д. Апресяна на конференции в Кутаиси (1985)⁸, впоследствии опубликованный в “Семиотике и информатике” под названием “Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира”.

В статье, в частности, говорится: “Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности. Этому соответствовала редукционистская стратегия описания языковых значений через все более простые смыслы вплоть до элементарных – слов универсального семантического метаязыка. Очевидно, что многие значения (быть может, даже подавляющее большинство) и сейчас должны описыватьсь точно таким же образом. Однако в контексте данной работы важно подчеркнуть, что понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке” [34, с. 630].

Ясно, что с тех пор представления о важности наивной картины мира значительно расширились, ср., например, [35; 36]. Наивная картина мира стала главной темой и для МСШ, и для Школы

⁸В то же время, при описании метафор идея наивной картины использовалась и раньше (ср., например, [32] или [33]).

логического анализа языка Н.Д. Арутюновой, и для отечественных типологов, а библиографические ссылки, подтверждающие это, заняли бы весь журнал. С другой стороны, и в рамках когнитивного подхода, в особенности среди типологов, описание особенностей концептуализации действительности, свойственной данному языку, становится во главу угла.

Здесь интересно проследить, как трактуются соотношение между наивно-языковой и научной, энциклопедической картиной мира. В МСШ давно признано, что это вещи разные, вспомним давний пример Ю.Д. Апресяна [18, с.12]:

Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд.

Это предложение с лингвистической точки зрения правильно – независимо от того, соответствует ли результат, полученный спортсменом, принятому нормативу. Даже если мы признаем, что “такого на самом деле не может быть” – наш лингвистический анализ предложения от этого не меняется. С этим утверждением, конечно, можно согласиться и сегодня – вот только объем информации, релевантной для собственно лингвистического описания все время растет.

Иногда своеобразными “linguistic evidence” в пользу лингвистической релевантности абсолютно нетривиальных характеристик объектов и ситуаций служат даже прикладные разработки. Об одном из таких “открытый” рассказали японские компьютерные лингвисты ([37]; см. также [38]). Их задачей было компьютерное порождение движущегося изображения (мультифильма) по очень простому тексту африканской сказки, приблизительно такому:

«Заяц бежит за Черепахой. Черепаха повернула голову, посмотрела и сказала: “Заяц далеко. Он меня никогда не догонит”. После этого Черепаха легла и уснула».

Как видим, текст действительно предельно примитивный с лингвистической точки зрения. Все “подводные камни” здесь намеренно устраниены, с тем чтобы облегчить компьютеру техническую задачу “понимания” сказки, тождественного тому, которое демонстрирует получивший ту же задачу человек. Тем не менее, оказывается, что “понимание” машины отличается от человеческого, и, соответственно, изображение, которое она в результате представила, было тоже специфически “машинным”. Дело в том, что на рисунках машины черепаха, поглядевшая назад, уснула со свернутой шеей, так и не повернув голову обратно.

В когнитивной парадигме границы между этими типами информации нет – как пишут Клознер и Крофт, с точки зрения Р. Лангакера, “знание (в том числе и наивное, языковое) – это энциклопедическая информация, организованная в домены, которые возникают из нашего опыта” [6, с. 7]. Это удобно – в том смысле, что не надо специально объявлять энциклопедическую информацию, релевантную для лингвистического описания, языковой: какая бы ни была, если релевантна, значит она включается в описание. Например, в толкование глагола *спать* не должна была бы входить информация о том, что это невозможно делать в неестественной позе, – но эта информа-

ция может при необходимости “извлекаться” из знаний человека о мире.

В то же время такое техническое удобство может сыграть и злую шутку: оно означает, что нет никакой качественной разницы между энциклопедической и лингвистической информацией, – а она все-таки в каких-то случаях возможна, и может быть как раз эта качественная разница и определяет границу между данными типами информации. Примером здесь может служить уже упоминавшаяся концептуализация цвета через такие домены как ‘тон’, ‘яркость’, ‘насыщенность’ [5]. Конечно, физиологически мы воспринимаем эти параметры, с физической точки зрения они тоже релевантны, – но это наши энциклопедические знания о цвете, а верно ли, что именно те же параметры лежат в основе и для самих слов, т.е. цветообозначений в разных языках? (Ср. здесь иную точку зрения в широко известной статье [39]).

Другой пример того же рода – концептуализация температуры в [6, с. 11–12]. Анализ температурного домена признается ими несхематизируемым; он опирается на достижения нейрофизиологов [40], согласно которым у человека есть два рода независимо действующих рецепторов: “холодные”, воспринимающие температуру 20–35°C, и “горячие”, воспринимающие температуру между 30 и 45°C. Таким образом, оба рода рецепторов воспринимают “нейтральную” (ни “горячую”, ни “холодную”) зону: 31–36°C. Имея нейрофизиологическую информацию в качестве отправного пункта, Клознер и Крофт строят модель температурного домена так: “этот домен представляет собой одномерную шкалу, на которой профилюются точки – от *hot* до *cold*; точкой отсчета является *lkewarm* – температура человеческого тела или та, к которой человек адаптируется. Отклонения от точки отсчета обозначают различные температурные концепты, например, ‘*warm*’ находится ближе к точке отсчета, чем к ‘*hot*’.

Понятно, что данное, слишком схематичное, описание сразу вызывает множество вопросов (например: верно ли, что шкала идет от ‘*hot*’ к ‘*cold*’, а не наоборот?). Но главная претензия ко всем такого рода энциклопедическим схемам описания в том, что они не только не отражают, но в принципе и не могут отразить языковую специфику: нейрофизиология-то у всех людей одна, а температурные системы даже близких по типу языков различаются. Например, для русского языка, действительно, точкой отсчета, противопоставляющей ‘холодный’ и ‘горячий’ служит температура человеческого тела, но концептуализуемая как ‘теплый’ (в отличие от модели Клознера–Крофта). Однако уже для шведского языка нужна по крайней мере еще одна точка отсчета – это неприятно-горячая для человеческого тела температура: все, что выше нее, обозначается в

шведском как *het*, все, что ниже – как *vart*. Нейтральная же температура (*ljam*) концептуализуется как неприятная и более низкая, чем *vart*, но бесспорно не служит точкой отсчета и в шведской системе (подробный анализ см. [41]).

Итак, языковая картина мира и градусник – вещи разные. Эта идея равно хорошо известна и когнитивистам, и в МСШ. Однако в рамках когнитивного подхода, в стремлении лингвистов объяснить языковые явления через апелляцию к другим когнитивным системам, возможно отождествление языковой и нейропсихологической картин – а это, в сущности, повторение той же ошибки. В работах МСШ такого не бывает – но только потому, что здесь вообще пока не ставится задача столь глубокого объяснения языка, и между прочим, не в последнюю очередь это объясняется оторванностью современной отечественной семантики от нейрофизиологии (а ведь как в свое время были популярны работы Лурии!).

Между тем в процитированной выше статье Ю.Д. Апресяна речь идет совсем не только и даже не столько о, так сказать, национально-языковой концептуализации, но и о концептуализации “индивидуальной”, т.е. о роли говорящего в семантическом представлении.

5. О РОЛИ ГОВОРЯЩЕГО

Говорящий был “адаптирован” к лингвистическим задачам Якобсоном и Бенвенистом, а затем Ч. Филлмором – в связи с проблемами *соте* и *до* [42]. Только сейчас становится ясно, насколько это по тем временам была революционная идея: в системоцентрическое описание, т.е. такое, в котором все объясняется особенностями самой системы (структурализм!), был внедрен одновременно автор и пользователь системы – причем как необходимый ее элемент (это, в сущности, сопоставимо с тем, чтобы в модель атома физикам понадобилось бы ввести Творца). В МСШ сфера применения говорящего/наблюдателя в семантическом представлении была значительно расширена; ср., в частности, понятие модальной рамки, введенное в толкование вслед за А. Вежбицкой и Ч. Филлмором, роль говорящего/наблюдателя в семантическом описании пространства, вида и т.д. (см. подробный обзор в [2]; ср. также [13]).

На простом примере из собственной практики семантического описания [43] я хотела бы подчеркнуть, насколько идея говорящего/наблюдателя оказалась на сегодняшнем этапе семантического описания естественной и организующей, сподобившей его цельности. В модели М. Бирвиша и Э. Ланга (ср. [44], см. также [45]), описывающей пространство и, кстати, предлагающей, правда, в очень редуцированной зоне, наличие говоряще-

го/наблюдателя, размеры определяются применительно к определенным абстрактным пространственным конфигурациям. Между тем, как оказывается, размеры разных объектов – даже если этим объектам свойственна одна и та же конфигурация – описываются по-разному: мы говорим *высокие колонны*, но *длинные ноги*, *широкая двухэтажная кровать*, но *глубокая книжная полка*, *глубокая миска*, но *высокий стакан* и т.д. Различия здесь обусловлены точкой зрения говорящего/наблюдателя на объект: *высокий* – по крайней мере для русского языка – это такой объект, на который наблюдатель смотрит как бы снизу вверх, *глубокий* – наоборот, сверху вниз, так что взгляд проходит от отверстия до дна, *длинный* – взгляд проходит от ближайшего к наблюдателю конца к противоположному, в *широкий* говорящий помещает себя в середину объекта и т.д. Существенно, что сама эта позиция говорящего/наблюдателя и его точка зрения определяется (и это естественно) тем, как данный объект используется человеком в нормальных условиях функционирования данного объекта – потому что в конечном счете говорящий и есть его пользователь. Итак, на колонны человек действительно “смотрит” снизу вверх (→ *высокие*), но на ноги – конечно, сверху вниз (→ *длинные*), как, впрочем, и на все другие прикрепленные одним концом и свисающие другим объекты. Ср. ставшую знаменитой после работ М. Бирвиша и Ю.Д. Апресяна *водосточную трубу* (*длинную*, но не *высокую*, хотя и вертикально расположенную); из миски он вычерпывает содержимое, значит опускает туда ложку и тем самым измеряет ее *глубину*, а для стакана релевантна внешняя поверхность, за которую его держат, и размер которой “отсчитывают” от поверхности опоры; книжки “измеряют” *глубину* полки, когда их ставят и вынимают, а говоря о кровати, человек, конечно, мыслит себя спящим на ней, значит помещает себя в центр объекта (→ *широкая*) и т.д.

Можно, следовательно, сказать (и доля преувеличения в этом будет очень мала), что фактически носитель языка (он же говорящий) вообще не может описать размер, форму или даже ориентацию в пространстве объекта, если не знает, как его можно использовать.

Отмечу, что такого рода “функциональные объяснения”, подчеркивающие единство языковой картины мира как таковой, имеют тенденцию усиливаться и развиваться (во многом под влиянием А. Вежбицкой) в рамках МСШ, а также в Школе логического анализа языка и др. Они характерны и для когнитивных описаний – прежде всего в зоне концептуальных метафор типа знаменитой MORE IS UP Лакова (ср. также примеры Грейди – *lifting a heavy object is experiencing strain; tasting a sweet object is experiencing pleasure* и др.), –

роли, выявляя механизм их отождествления. В стоящем вверху круге отражается так называемый GENERIC SPACE – то общее, что есть в обеих ролевых структурах, т.е. основа для совмещения. Нижний круг – BLENDED SPACE описывает результат этой процедуры, т.е. саму “перепутанную” ситуацию, в которой одновременно есть оба мира. Для понимания природы термина существенно, что он очень широко использовался Фоконье и для описания того, что в формальной логике называется “возможными мирами” и поверхности выражаются условными или сравнительными конструкциями типа *a surgeon as a butcher* или:

If you'd only put yourself in my shoes, you'd have some sympathy

And if I could put my self in your shoes, I'd walk right back to me [67].

8. О ДИСКУРСЕ

“Blending” как теоретический конструкт представляет большие трудности, если искать ему понятийный аналог – по-видимому, он в этом смысле “непереводим”. Это обстоятельство требует осмысливания. В частности, встает вопрос о том, что, собственно, нового дает этот механизм и в чем причина его столь стремительно возросшей популярности. По-видимому, главная идея здесь в том, что порождение предложения и текста не запрограммировано заранее, а представляет собой спонтанный процесс, в ходе которого говорящий свободно оперирует несложными моделями (конструкциями, концептами, сценариями), хранящимися у него, так сказать, “в готовом виде”. При этом он может совершать ошибки (так возникают контаминации), но даже если он их не совершает, имеет место тот же самый “живой” процесс, когда человек, говоря, устанавливает семантические связи, объединяет разнородные конструкции и т.д. (поэтому, в частности, и простое заполнение аргументных мест когнитивная теория теперь тоже предлагает представлять как *blending* предикатной структуры и имени).

В этой связи вспоминается описание И.М. Богославским сочинительного сокращения в примерах типа:

А дождь все усиливался, и уже не капли, а стремительные струи со свистом впивались в землю (Б. Окуджава).

Разбирая структуру этого предложения, И.М. Богославский обратил внимание на то, что, хотя “капли и струи одинаково относятся к глаголу синтаксически”, “свойство ‘со свистом впиваться в землю’ относится, очевидно, только к струям” [69, с. 13]. Он выдвинул гипотезу наложения двух структур (ср. здесь INPUT SPACE 1, INPUT SPACE 2), которое становится возможным благодаря тому, что в основе обоих сочиняемых пред-

ложений лежит одно значение типа ‘падать на землю’ (ср. здесь GENERIC SPACE). Особенно интересно следующее суждение: «Источником деканонизации послужил <в данном случае> фактор линейного развертывания предложения, открывающий для говорящего возможность в некоторых пределах “на ходу” изменять значение и структуру предложения» [69, с. 14].

Перекличка очевидна; несовпадение же кроется как раз в оценке этих “пределов”: согласно МСШ, простор для маневра у говорящего, в общем, невелик. Например, говорящий “помнит” довольно сложные, содержащие иногда значительное число обязательных переменных, предикатные структуры (ср. *командировать*: ‘кто’, ‘кого’, ‘куда’, ‘откуда’, ‘зачем’, ‘на какой срок’ (см. [18, с. 137]¹¹), при том, что способ поверхностного оформления этих аргументов считается, в общем, не обязательно семантически мотивированным, т.е. должен запоминаться носителем. Возможные вариации модели управления предиката тоже как бы заранее определены. В этом смысле показателен блестящий анализ Ю.Д. Апресяном пары *узнать у ~ узнать от* [72, с. 605–606]. Между прочим, Теория концептуальной метафоры Лакова и Джонсона тоже опирается на идею постоянных, заранее заданных отношений между доменами.

Но может быть и другая точка зрения (и кстати, английский язык как синтаксически значительно более лабильный, чем русский, имеет для нее больше оснований). Она исходит из идеи “сплошной мотивированности”, свойственной когнитивному подходу (впрочем, самым давним и ярким сторонником позиции, что объяснить в языке можно все, бесспорно, является А. Вежбицкая): каждая языковая единица, каждый фрагмент синтаксической конструкции и т.д. имеет свою семантику.

Например, в одном из характерных своих употреблений русский винительный падеж, согласно описанию Л. Янды [70] имеет значение ‘размерности’ (*size and capacity*) – именно этим, а не сильным предложным управлением, объясняются в таком случае примеры типа *весом в 850 кг, на пятнадцать минут, тысячу раз, за 2 рубля и под.*

Тогда естественно, чтобы сложные структуры составлялись из более простых – но, конечно, не случайно, а по специальным правилам их совмещения (*blending*). Такого рода правила должны иметь очень общий характер, потому что человек применяет их прямо “на ходу”, в процессе говорения. Их принцип – в том, чтобы обнаружить “базу для совмещения” – тот самый GENERIC SPACE, о котором говорит Фоконье. Ровно по этому принципу – но тогда еще без термина *blending* – “склеивались” креативная (*He made a path*) и нетранзитивная конструкции (*He moved into the room*), образуя так называемую way-construction, т.е.

¹¹ Примеры других “многоаргументных” глаголов см. в [71].

конструкцию пути; ср. *Frank dug his way out of the prison*, согласно модели Грамматики конструкций, описанной в [73], а также известный пример *He sneezed the napkin off the table* и др. (подробнее см. обзор [24]).

Итак, несколько упрощая дело: с одной стороны, можно считать, что в сочетании типа *защищить от ветра* предложно-падежная часть *от ветра* есть поверхностная реализация встроенной глагольной структуры (в отличие от: *забраться на чердак от назойливых гостей*, где сирконстантная группа присоединяется к глаголу по некоторым правилам). С другой – можно считать, что в обоих случаях происходит “сборка” данной конструкции on-line по единым правилам, и разница лишь в том, насколько обширна та семантическая платформа, которая является основой для “наложения” глагола и предложной группы (иными словами, GENERIC SPACE). В случае *защищить* она очень велика, потому что глагол сам описывает ситуацию, включающую идею “опасности”, а в случае *забраться* для возникновения такой платформы требуются дополнительные условия, в которых оно может пониматься как ‘удалиться’.

В чем разница? Мы привыкли считать естественным, вслед за Ю.Д. Апресяном, объединение в одном интегральном описании словаря и грамматики¹²; предлагается же взаимодействие словаря и самой процедуры порождения текста говорящим, или *дискурса*.

К сожалению, в настоящих заметках мы не имеем возможности остановиться подробно на проблемах дискурса, но важно, что среди работ по когнитивной семантике исследования по дискурсу занимают довольно большое место и продолжают расширяться (ср. сборник [74], вышедший в серии *Current Issues in Linguistic Theory*) и что в целом интерес когнитивистов смещается от общих принципов устройства абстрактного языка к тому, как конкретный носитель думает, строит речевую стратегию, управляет известной ему информацией, когда говорит или пишет.

9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили некоторые тенденции развития когнитивного направления в современной лингвистике, преимущественно американской. Оно интересно для нас тем, что его представители заняты проблемами моделирования языковых значений – в том числе лексических. Это большая

¹² Ср.: “Насколько можно судить по литературе, идея интегрального описания языка, выдвинутая автором данной работы, принимается все большим числом лингвистов. Напомним, что принцип интегральности требует согласования словаря и грамматики по типам помещаемой в них лингвистической информации и по формальным языкам ее записи” [2, с. 19].

редкость для западной науки и одновременно главный центр приложения усилий – для отечественной. Поэтому с когнитивистами можно искать точки соприкосновения и общность взглядов. Это увлекательно именно потому, что теории развиваются параллельно, т.е. без интенсивных контактов и взаимного влияния. И хотя, ввиду близости подхода к языку в целом, часто ставятся одни и те же вопросы, обычно они ставятся по-разному.

В духе А. Вежбицкой можно было бы сказать, что наши лингвистические традиции культурно специфичны. В частности, ничего нельзя друг у друга механически перенять, заимствовать, нельзя и с определенностью сказать: “так лучше, а так – хуже” – в точности как это происходит с иностранным языком: как лучше: “ложка” или “spoon”? Но для того, чтобы (лингвистическая) картина мира стала более объемной и подвижной, нужно уметь “переводить” с одного научного языка на другой, видеть лакуны и пересечения, угадывать тенденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е.С. В защиту когнитивной лингвистики // Известия РАН, СЛЯ. 1999. Т. 58. № 6.
2. Апресян Ю.Д. Теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН, СЛЯ, 1999. Т. 58. № 4.
3. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.
4. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge (Mass.): MIT, 1995.
5. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: SUP, 1987.
6. Clausner T., Croft W. Domains and image schemas // Cognitive linguistics. 1999. V. 10. P. 1–33.
7. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: Univ. of Chicago, 1987.
8. Taylor J.R. On running and jogging // Cognitive linguistics. 1996. V. 7. P. 21–34.
9. Taylor J.R. Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon, 1989.
10. Taylor J.R. Possessives in English. Oxford: Clarendon, 1997.
11. Jackendoff R. Semantic structures. Cambridge (Mass.): MIT, 1990.
12. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.
13. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: ЯРК, 1996.
14. Мельчук И.А., Иорданская Л.Н. *Глаза Маши голубые vs. Глаза у Маши голубые: Choosing between two Russian constructions in the domain of body parts // И.А. Мельчук. Русский язык в модели “Смысл ↔ Текст”. М.: ЯРК; Вена: WSA, 1995.
15. Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 82–107.

16. Падучева Е.В. Парадигмы регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкоznания. 1998. № 5. С. 3–23.
17. Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München: Sagner, 1990.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Ю.Д. Апресян. Избранные труды, т. I. М.: ЯРК, 1995 (2-е изд.).
19. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл \Leftrightarrow Текст”. М.: Наука, 1974.
20. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985.
21. Johnson M. The body in the mind. Chicago: Univ. of Chicago, 1987.
22. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А.А. Кибрик и др. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. С. 340–370.
23. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С. (ред.). М.: МГУ, 1996.
24. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–324.
25. Апресян Ю.Д., и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: ЯРК, 1997. Вып. I.
26. Goddard C., Wierzbicka A. Language, culture and meaning: Cross-cultural semantics / Dirven R., Verspoor M. (eds.). Cognitive exploration of language and linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1998.
27. Franckel J.-J., Paillard D. Les emplois temporels des prépositions: le cas du sur // Cahiers Chronos. 1997. № 3.
28. Cadot P. Représentations d'objets et sémantique lexicale: qu'est-ce qu'une boîte? // French language studies. 1994. № 4. Р. 1–23.
29. Рахилина Е.В. Семантика русских “позиционных” предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопросы языкоznания. 1998. № 6. С. 69–80.
30. Cienki A. 19-th and 20-th century theories of case: a comparison of localist and cognitive approaches // Historiographia linguistica. 1996. V. 22. Р. 129–155.
31. Рахилина Е.В. Прилагательные сквозь призму существительных и vice versa // НТИ. 1991. Сер. 2. № 9.
32. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
33. Успенский В.А. О вещественных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11 (перепечатано в: Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35).
34. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28 (перепечатано в книге: Ю.Д. Апресян. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: ЯРК, 1995. С. 629–650).
35. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Арутюнова Н.Д. и др. (ред.). М.: Наука, 1992.
36. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: ЯРК, 1995. С. 348–388.
37. Shimazu H., Takashima Y., Tomono M. Understanding stories for animation // Proceedings for the 12th international conference of computational linguistics (COLING-1988). Budapest, 1988.
38. Кулагина О.С., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. О конференции по вычислительной лингвистике в Будапеште (COLING-1988) // НТИ. 1989. Сер. 2. № 3.
39. Wierzbicka A. Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // Cognitive linguistics. 1990. V. 1. № 1.
40. Darian-Smith I. Thermal sensibility / Geiger S. et al. (eds.). Handbook of physiology: A critical comprehensive presentation of physiological knowledge and concepts. Section 1: The nervous system. V. 3: Sensory processes. Pt 2. Bethesda (Md.): American psychological society, 1984. Р. 879–913.
41. Кончевская-Тамм М., Рахилина Е.В. “С самыми теплыми чувствами” (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сб. к 60-летию А.Е. Кибрика. М.: ЯРК, 1999. С. 462–487.
42. Fillmore Ch. J. Deictic categories in the semantics of come // Foundations of language. 1966. V. 2. P. 219–227.
43. Рахилина Е.В. Семантика размера // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34. С. 58–82.
44. Bierwisch M., Lang E. Somewhat longer – much deeper – further and further: Epilogue to the dimensional adjective project / Bierwisch M., Lang E. (eds.). Dimensional adjectives: grammatical structure and conceptual interpretation. B.: Springer, 1989.
45. Lang E., Carstensen K.-U. OSKAR: a Prolog program for modelling dimensional designation and positional variation for objects in space. IWBS Report 109 (February 1990).
46. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor / Gibbs R., Steen J. (eds.). Metaphor in cognitive linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1997.
47. Brugman C., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks / Cottrell G.W. et al. (eds.). Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (Cal.): Kaufman, 1988. Р. 477–508.
48. Кустова Г.И. Производные значения с экспериментальной составляющей // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 19–41.
49. Dewell R. Over again: image-schema transformations in semantic analysis // Cognitive linguistics. 1994. V. 5. № 6. Р. 351–380.
50. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / Пайар Д., Селиверстова О.Н. (ред.). Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000.
51. Gibbs R., Colston H. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // Cognitive linguistics. 1995. V. 6. № 4. Р. 347–378.

52. Урысон Е.В. *НЕБО I, НЕВЕСА, НЕБОСВОД, НЕБОСКЛОН, ПОДНЕБЕСЬЕ* / Апресян Ю.Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: ЯРК, 1997. Вып. I. С. 214–216.
53. Борщев В.Б., Парти Б.Х. Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: от описания к объяснению // Сб. к 60-летию А.Е. Кирика. М.: ЯРК, 1999. С. 159–172.
54. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
55. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: Univ. of California, 1969.
56. Corbett G.G. Russian colour term salience // Russian linguistics. 1989. V. 13. P. 125–141.
57. Бахилова Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
58. Dirven R., Verspoor M. (eds.). Cognitive exploration of language and linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1998.
59. Cienki A., Swan M. Constructions, blending, and metaphors: Integrating multiple mappings. Paper presented to the 6-th International Cognitive Linguistics Conference. Stockholm, 1999.
60. Баранов А.Н. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Поморский и партнеры, 1996.
61. Медникова Э.М., Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993.
62. Fauconnier G., Turner M. Blending as a central process in grammar / Goldberg A. (ed.). Conceptual structure, discourse and language. Stanford (Cal.): CSLI, 1996. P. 183–203.
63. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. V. 22. P. 133–187.
64. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago, 1980.
65. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor / Gibbs R., Steen J. (eds.). Metaphor in cognitive linguistics. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 101–125.
66. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. Cambridge (Mass.): MIT, 1985.
67. Fauconnier G. Mappings in thought and language. Cambridge: CUP, 1997.
68. Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1998.
69. Богуславский И.М. О некоторых типах неканонических сочинительных конструкций // Вопросы кибернетики. Проблемы разработки формальной модели языка. М., 1988. С. 5–18.
70. Janda L. The case book for Russian. In print.
71. Цинман Л.Л., Сизов В.Г. Модель управления слова, фреймовые актанты и лингвистическая инженерия // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 36. С. 154–167.
72. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka*. Wrocław: Osolineum, 1978.
73. Goldberg A. A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: Univ. of Chicago, 1995.
74. Discourse studies in cognitive linguistics / Van Hoek K., Kibrik A.A., Noordman L. (eds.). Amsterdam: Benjamins, 1997.